

Иван Сергеевич Тургенев. Поездка в Полесье

Полное собрание сочинений и писем в двадцати восьми томах.
Сочинения в пятнадцати томах.
Том седьмой.
М.-Л., "Наука", 1964
ОСР Бычков М.Н.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

Вид огромного, весь небосклон обнимающего бора, вид "Полесья" напоминает вид моря. И впечатления им возбуждаются те же; та же первобытная, нетронутая сила расстилается широко и державно перед лицом зрителя. Из недра вековых лесов, с бессмертного лона вод поднимается тот же голос: "Мне нет до тебя дела, - говорит природа человеку, - я царствую, а ты хлопочи о том, как бы не умереть". Но лес однообразнее и печальнее моря, особенно сосновый лес, постоянно одинаковый и почти бесшумный. Море грозит и ласкает, оно играет всеми красками, говорит всеми голосами; оно отражает небо, от которого тоже веет вечностью, но вечностью как будто нам нечуждой... Неизменный, мрачный бор угрюмо молчит или вот глухо - и при виде его еще глубже и неотразимее проникает в сердце людское сознание нашей ничтожности. Трудно человеку, существу единого дня, вчера рожденному и уже сегодня обреченному смерти, - трудно ему выносить холодный, безучастно устремленный на него взгляд вечной Изиды; не одни дерзостные надежды и мечтанья молодости смиряются и гаснут в нем, охваченные ледяным дыханием стихши; нет - вся душа его никнет и замирает; он чувствует, что последний из его братии может исчезнуть с лица земли - и ни одна игла не дрогнет на этих ветвях; он чувствует свое одиночество, свою слабость, свою случайность - и с торопливым, тайным испугом обращается он к мелким заботам и трудам жизни; ему легче в этом мире, им самим созданном, здесь он дома, здесь он смеет еще верить в свое значение и в свою силу.

Вот какие мысли приходили мне на ум несколько лет тому назад, когда, стоя на крыльце постоянного дворика, построенного на берегу болотистой речки Ресеты, увидел я впервые Полесье. Длинными сплошными уступами разбегались передо мною синеющие громады хвойного леса; кой-где лишь пестрели зелеными пятнами небольшие березовые рощи; весь кругозор был охвачен бором; нигде не белела церковь, не светлели поля - все деревья да деревья, все зубчатые верхушки - и тонкий, тусклый туман, вечный туман Полесья висел вдали над ними. Не ленью, этой неподвижностью жизни, нет - отсутствием жизни, чем-то мертвенным, хотя и величавым, веяло мне со всех краев небосклона; помню, большие белые тучи плыли мимо, тихо и высоко, и жаркий летний день лежал недвижно на безмолвной земле. Красноватая вода речки скользила без плеска между густыми тростниками; на дне ее смутно виднелись круглые бугры иглистого моха, а берега то исчезали в болотной тине, то резко белели рассыпчатым и мелким песком. Мимо самого дворика шла уездная, торная дорога.

На этой дороге, прямо против крыльца, стояла телега, нагруженная коробами и ящиками. Владелец ее, худошавый мещанин с ястребиным носом и мышинными глазками, сторбленный и хромой, впрягал в нее свою, тоже хромую, лошаденку; это был пряничник, который пробирался на Карачевскую ярмарку. Вдруг показалось на дороге несколько людей; за ними потянулись другие... наконец повалила целая гурьба; у всех были палки в руках и котомки за плечами. По их походке, усталой и развалистой, по загорелым лицам видно было, что они шли издалеча: это юхновцы, копачи, возвращались с заработков. Старик лет семидесяти, весь белый, казалось, предводительствовал ими; он изредка оборачивался и спокойным голосом понукал отсталых. "Но, но, но, ребяташки, - говорил он, - но-о". Все они шли молча, в какой-то важной тишине. Один лишь только, низкого роста и на вид сердитый, в тулупе нараспашку, в бараньей шапке, надвинутой на самые глаза, поравнявшись с пряничником, вдруг спросил его:

- Почем пряник, шут?

- Каков будет пряник, любезный человек, - возразил тонким голосом озадаченный торговец. - Есть и в копейку - а то и грош дать надо. А есть ли грош в мошне-то?

- Да от него, чай, в брюхе просолодит, - возразил тулуп и отошел от телеги.